

РОБЕРТО САНТЬЯГО

Детективы Футболисты

ТАЙНА
ПРИЗРАЧНОГО
ВРАТАРЯ

ИЛЛЮСТРАЦИИ
Энрике Лоренсо

Роберто Сантьяго
Детективы-футболисты.
Тайна призрачного вратаря
Серия «Детективы-футболисты»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65940370
Детективы-футболисты. Тайна призрачного вратаря:
ISBN 978-5-17-137024-4*

Аннотация

Начинается новый учебный год, а с ним и лига футбола! Однако теперь всё становится гораздо сложнее: к команде Сото Альто присоединяются новички, которые знают толк в игре, а значит, соперничества не избежать. А тут ещё и первые симпатии, и тот парень-вратарь, который, кажется, умеет останавливать голы силой мысли...

Автор Роберто Сантьяго работал сценаристом на телевидении, редактором и продюсером.

Серия про детективов-футболистов стала настоящим культурным феноменом, это одни из самых продаваемых книг в Испании. Они переведены на разные языки мира, а в 2018 году даже были экранизированы.

Для младшего школьного возраста.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

1	5
2	12
3	18
4	22
5	30
6	38
7	42
8	53
9	58
10	67
11	71
12	80
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Роберто Сантьяго

Детективы-футболисты.

Тайна призрачного вратаря

Original title: El misterio del portero fantasma

© Text by Roberto Santiago

© Illustrations by Enrique Lorenzo

© Ediciones SM, 2014

Russian translation Copyright © (2021) by AST Publishers Ltd.

© Фадеева Е., перевод, 2021

© Издательство АСТ, 2021

1

Минута и двадцать девять секунд. Игра идёт с равным счётом.

У Камуньяса в команде Месси, Агуэро и Неймар. Состав

моей тоже неплох: Иньеста, Фалькао и Криштиану Роналду. «3 на 3» – лучшая видеоигра в мире.

Время истекает, до окончания матча остаются минута и семнадцать секунд. Месси делает продольный пас Куну, обходит Иньесту и бьёт... в штангу.

Счёт по-прежнему равный.

Эта игра без вратаря. В ней всего шесть участников: три игрока одной команды против трёх игроков другой. Тот, кто первым забьёт десять голов, выигрывает.

Одна минута и восемь секунд.

Фалькао завладевает мячом в центре поля. Он делает несколько шагов и, не задумываясь, бьёт по воротам... Ууу-уууууууу. Мяч задевает перекладину.

В этой игре есть одна особенность: если время выходит и ни одна команда не забивает десяти голов, проигравшими считаются обе. Здесь не бывает ничьей. Есть только победа или поражение.

Пятьдесят три секунды до конца игры. Счёт 9:9. Первый, кто забьёт гол, станет победителем.

Агуэро резко разворачивается, контролируя мяч, и делает пас Неймару, который бежит с ним по бровке. Криштиану пытается остановить соперника, но бразилец перескакивает через него. Он бьёт в центр поля... и тут появляется Месси, чтобы пробить. Но в последнюю секунду Иньеста выбивает мяч из опасной зоны. Камуньяс и я играем последний матч лета. Это заключительная, определяющая игра. Сегодня вос-

кресенье, 6 сентября.

Завтра, в понедельник, начинается новый учебный год. Мы всё лето играем в «3 на 3». Каждый из нас выиграл ровно 286 игр. Мы меняли игроков, поля, форму. Экспериментировали как могли. Тем не менее мы всё равно идём с равным счётом.

Тридцать девять секунд до конца игры. Фалькао снова заглаживает мячом, он обгоняет Агуэро и, кажется, собирается навесить с фланга в штрафную зону... Но в последний момент он сам вырывается к штрафной зоне, разворачивается и делает то, чего никто не ожидал: наносит мощнейший удар по мячу. Мы с Камуньясом смотрим друг на друга, боясь пошевелиться. Мяч на полной скорости мчится к цели... Но врежется в штангу, отпрыгивает и падает к ногам Криштиану. Он остаётся один с мячом перед пустыми воротами. Всё, что ему (то есть мне) нужно сделать, – ударить по мячу и пробить.

Секунду или две я жду. Я не хочу ошибиться. Слишком долго. Тут Неймар выскакивает вперёд и уводит мяч. Золотой шанс упущен. Двадцать две секунды до конца игры. Если никто не забьёт, лето закончится ничьей.

Вдобавок мы с Камуньясом заключили супер-важное пари. Тот, кто проиграет, должен будет в первый день учёбы встать посреди школьного двора и поцеловать девочку на глазах у всех. Любую девочку. Главное, чтобы она была из нашего колледжа – это единственное условие. Ужасно глупо,

но мы заключили пари, и назад дороги нет.

Камуньяс управляет своей командой как одержимый. Он вскакивает. Я смотрю на него, а потом перевожу взгляд на экран. Я вижу там Неймара, который выбивает мяч на сторону противника. А там уже Месси наготове: он моментально завладевает мячом.

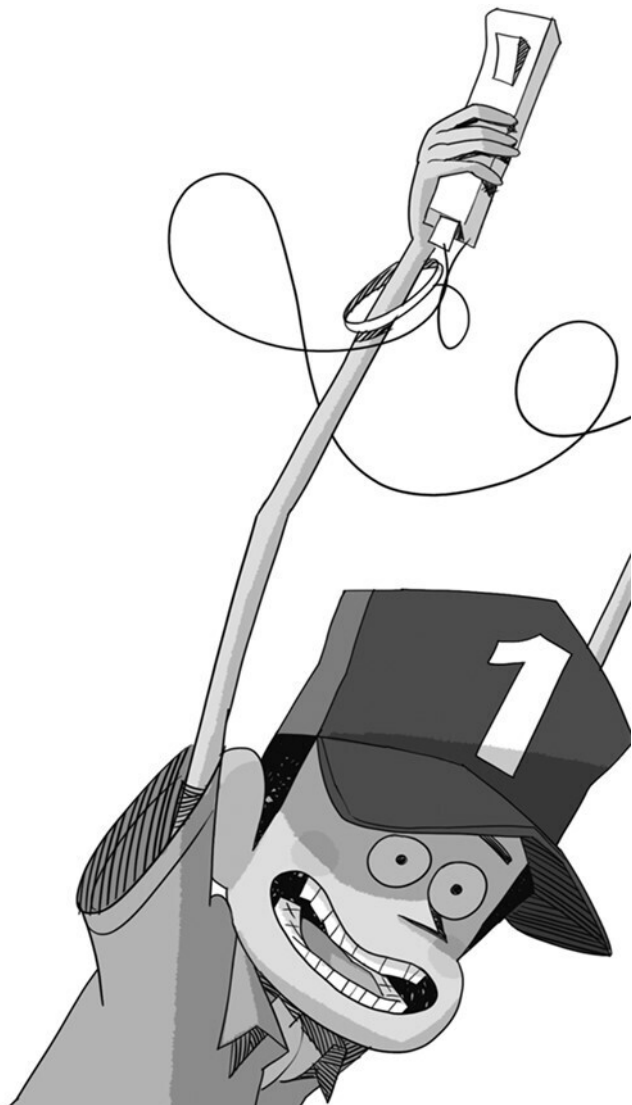
Я должен остановить его во что бы то ни стало. Времени почти не осталось. Месси продвигается вперёд и делает дриблинг Иньесте. Я кошусь на Камуньяса. Он красный как помидор от напряжения. Я думаю, может, дать ему пинка, но не решаюсь сделать этого.

Месси продолжает бежать с мячом. Тут сзади возникает Фалькао. Он должен успеть, я должен успеть... Мне надо остановить противника. Я тоже встаю и изо всех сил нажимаю на ручку.

Восемь секунд.

2

Тут мне в голову приходит идея: я могу отключить приставку и сказать, что это произошло случайно. Месси продолжает бежать, контролируя мяч. Фалькао галопирует вслед за ним.

Шесть секунд.

Пять.

Четыре.

Месси бьёт по воротам.

Мяч летит.

Три.

Я замираю.

Две.

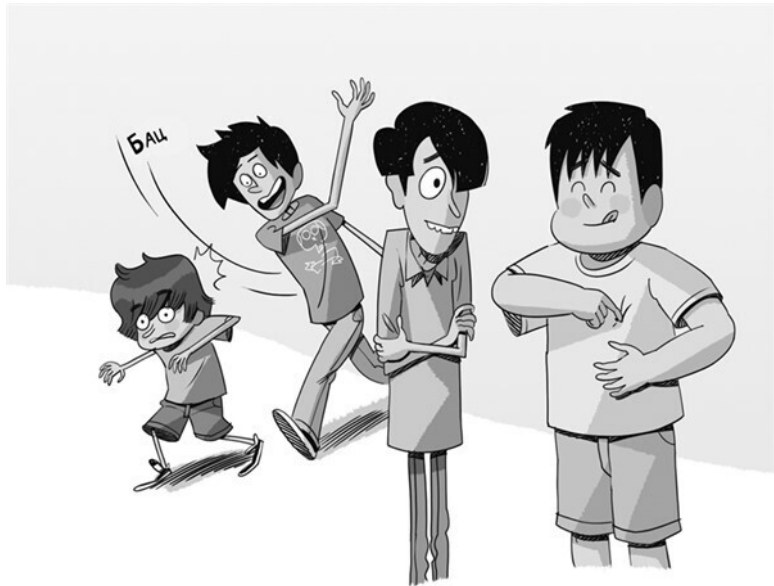
Мяч вот-вот войдёт в ворота.

Одна.

И...

ГОЛ.

Супергол Камуньяса.

На последней секунде.

В первый день в колледже всех разрывало от важных новостей.

– Что ты делал этим летом?

– Я был в деревне с бабушкой и дедушкой.

– Ты потолстел...

– А ты похудел!

– Ты подрос.

– А ты нет!

Все говорили, перебивая друг друга, спешили поделиться

впечатлениями. Шумно!

Но через пять минут ты понимаешь, что самое важное сказано, добавить больше нечего. И как раз в этот момент и начинается учебный год. Уже по-настоящему!

В этом году первый день в школе был особенным.

Во-первых, мне нужно было поцеловать девочку на школьном дворе на глазах у всех. Таковы были условия пари. И Камуньяс не собирался забывать об этом.

Как только он появился в школе без двух минут девять,

он подошёл ко мне и сказал:

– Это должно быть на глазах у всех.

– Я понял, – кивнул я.

– Выбирай получше, все будут на тебя смотреть, – настаивал он.

– Да ясно...

И я зашёл в класс.

Я мог думать только об одном. Мне нужно было поцеловать девочку. И я должен был сделать это сегодня. Кто заставлял меня заключать такое идиотское пари?

Большинство моих товарищей по футбольной команде уже находились в классе и рассказывали, как прошло их лето. Там были наши защитники, Томео и Ангустиас. Ангустиас жаловался на комариные укусы, а Томео хвастался, что побил рекорд деревни по поеданию шоколадного мороженого. Капитан команды, Мэрилин, рассказывала Аните, нашему запасному голкиперу, как она ездила в Колумбию навестить своих дядю, тётю, бабушку и дедушку. Звезда команды Тони, Тони-забейгол, Тони-выпендрёжник, пинал Восьмого.

– Это чтобы ты сделал, наконец, новую стрижку, – приговаривал он, давая Восьмому очередной подзатыльник.

– Ты уже решил, кого будешь целовать? – продолжал приставать ко мне Камуньяс.

– Нееееет, – замычал я.

Но это была ложь. Я прекрасно знал, кого собирался поцеловать. Только её нигде не было видно.

Пока я размышлял обо всём об этом, внезапно позади меня послышался голос.

– Привет, Пакет, чего не здороваешься?

Я обернулся и увидел... Алёну-не-путать-с-Еленой. Она была красивее, чем когда-либо. И выше. И вообще. Это была та же Алёна. И в то же время она была совсем другая. Не знаю, понимаете ли вы, о чём я.

– Привет, – сказал я.

Я не видел её всего месяца, но она сильно изменилась за это время.

– Я была с родителями в кемпинге в Ларедо. Мы каждый день ходили на пляж, поднимались на воздушном шаре, летали на планёре, а по вечерам ужинали у костра... Мы вернулись только вчера, и только потому, что надо было в колледж, а то остались бы там ещё, – сказала Алёна. – А ты чем занимался?

Я подумал о «3 на 3». И о пари. Алёна была передо мной. Я мог поцеловать её прямо сейчас. Раз и всё. В конце концов, это был бы не первый поцелуй. Но в тот момент это казалось мне чем-то таким ужасно стыдным! Именно потому, что это была Алёна. Будь на её месте любая другая девочка из колледжа, любая девочка в мире, клянусь, я не испытывал бы такого стыда.

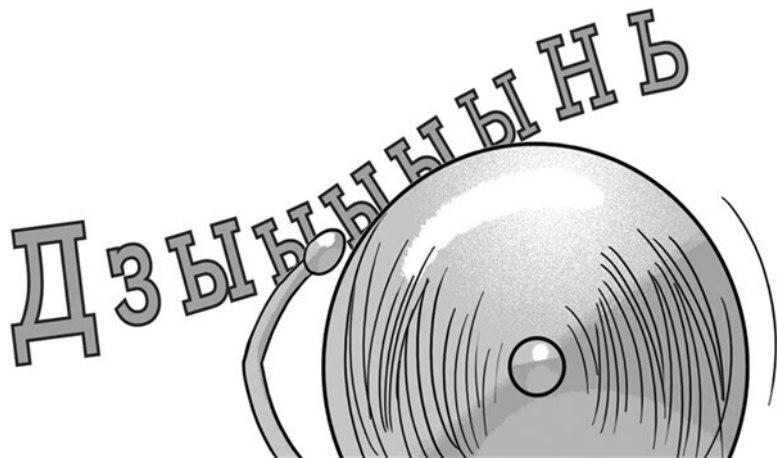
– Так что ты делал летом? – повторила она свой вопрос.

Я мог сказать ей правду: что всё лето провёл, играя в видео-игры с Камуньясом. Но вместо этого я просто пожал пле-

чами.

– Я был тут, – сказал я.

Она посмотрела на меня своими огромными глазами и рассмеялась. И всё. Больше ничего не произошло. Потому что в этот момент прозвенел звонок и начался первый урок нового учебного года. И, конечно, им оказалась математика.

С математикой у меня всегда одна и та же история. В начале года я открываю учебник в надежде обнаружить там что-нибудь интересное, но там неизменно оказывается всё то же самое, скучное и непонятное. Дело в том, что прошлым году я чуть не провалил математику. Этого не случилось исключительно благодаря футболу, как бы странно это ни звучало. Мне внезапно стало интересно, какие, с точки зрения теории

вероятностей, у нас есть шансы победить в последней игре Лиги и спасти нашу команду, поэтому Слепень в конечном итоге поставил мне зачёт «за проявленный интерес».

Слепень – наш учитель математики.

Каждый раз, когда он говорит, то издает такой странный жужжащий звук, как будто насекомое летит: зззззззззззззз... Поэтому его прозвали Слепнем.

В этом году Слепень нравился мне немного больше, чем в прошлом, потому что он поставил-таки мне зачёт и избавил от необходимости всё лето корпеть над математикой.

Так что сейчас я был полон надежд.

Но Слепень вскоре вернул меня к реальности. Едва мы успели рассестись, а он уже устроил нам первый экзамен в году.

[illegible]

Слепень объяснил, что в этом году нас ждёт особенно важный курс, потому что мы будем изучать математику, применимую к реальной жизни. Насколько я понял, это то же, что обычная математика, только сложнее.

– В этом году вам нужно будет стараться как никогда, – сказал он. – Невозможно прожить жизнь, не зная математики.

Мои родители тоже постоянно твердят мне, что однажды я пойму, насколько важна для жизни математика.

– Однажды ты поймёшь, – говорит моя мать.

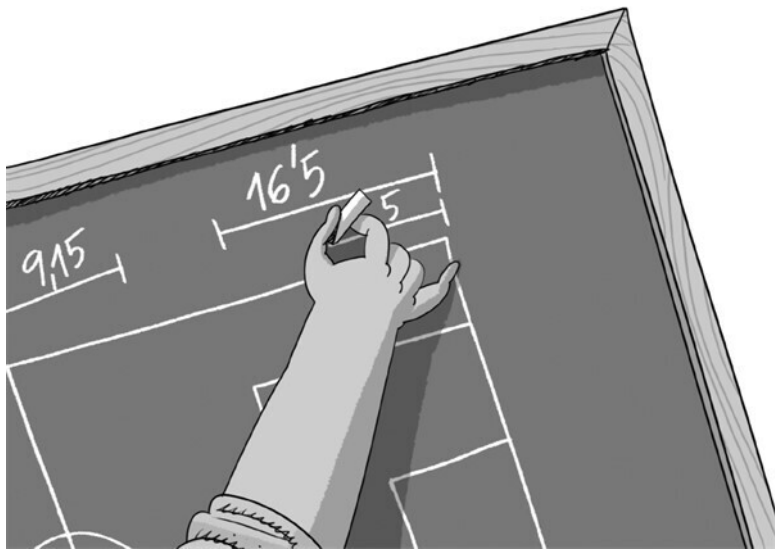
— Вот именно, — добавляет отец.

И вид у них в эти минуты такой важный.

Слепень подошёл к доске и быстро-быстро начал писать на ней вопросы теста. Первая задачка была связана с футболом.

Он нарисовал на доске футбольное поле, задав нам размеры ширины и длины, а затем заставил нас вычислить площадь всего, что на нём было: штрафных зон, вратарских площадок, центра поля, зон, ограниченных окружностями на подступах к штрафной. Даже четвертинок окружностей у угловых флангов. Там было так много вещей, площадь которых нужно было подсчитать, что у меня заболела голова от одной мысли об этом.

Когда десять минут экзамена уже прошли, и в моей голове копошился рой цифр, дверь распахнулась. В класс вошёл тот, из-за кого начало нового этого учебного года стало самым необычным в нашей жизни.

– Посмотри, какой низенький, – прошептала Анита.

– И какой худенький, – сказала Мэрилин.

– И какой красивый, – добавила Анита.

Не знаю, был он красив или нет. Но он точно был очень невысоким и чрезвычайно худым. У него была ещё масса других особенностей, о которых мы узнали позднее. Ах, да! Чуть не забыл: он был китайцем.

– Это Вао Дэн, – сказал Эстебан, директор колледжа, в сопровождении которого новенький вошёл в класс. – Вао будет учиться с вами. Он приехал с родителями из Тяньцзиня, четвёртого по величине города Китая, расположенного на юго-западе страны...

– У нас сейчас экзаменззззз, – прервал его Слепень. – Если вы не возражаете...

Эстебан приподнял брови.

Директор нашей школы любит поговорить и никогда не упускает возможности продемонстрировать, как много он знает обо всём на свете.

– Ясно, экзамен, – сказал он.

Его, должно быть, тоже удивило, что мы сдавали экзамен в первый учебный день...

– Вы можете сесть, сеньор Вао, – сказал Слепень. Он всегда говорит нам «вы», несмотря на то, что нам по одина-

дцать.

Чтобы найти свободное место, Вао пришлось пройти через весь класс. Пока он шёл, все разглядывали его, а девочки перешёптывались.

– Тощий, как макаронина, – сказал Камуньяс, который явно был в плохом настроении с тех пор, как начались занятия.

Когда Вао Дэн сел, Эстебан вышел из класса, и экзамен продолжился. Вао встал, взял листок из папки, лежавшей у Слепня на столе, вернулся на своё место и принялся писать.

– Вы не обязаны сдавать экзамен, не беспокойтесь, – ска-

зал математик, взглянув на новенького.

– Нет проблема, – сказал Вао Дэн и снова уткнулся в листок.

Через несколько минут он с очень серьёзным видом встал, положил листок на стол и снова сел.

Слепень с недоверием посмотрел на него поверх очков, как будто Вао шутики с ним шутил. После этого он взглянул на сданный новеньким листок с тестом... и глаза его округлились. Остаток урока он исправлял наши работы, периоди-

чески с любопытством поглядывая на Вао поверх очков. Исправляя контрольные, Слепень издавал звук «ззз». Продолжительность жужжания означала «плохо» или «очень плохо». Когда дело дошло до моего теста, математик трижды сделал «ззз», что, очевидно, означало, что всё пропало.

Закончив править работы, Слепень снял очки с носа, очень серьёзно посмотрел на нас всех и сказал:

– В этом году мы изменим рассадку на математике. Те, кто получил отлично, теперь будут сидеть с теми, кому я поставил два за эту контрольную.

Итак, впервые за всю нашу историю в школе Сото Альто мы с Камуньясом должны были сидеть на уроке врозь. Ропот и возмущение пробежали по рядам.

– А что насчёт троечников? – спросила Алёна.

– В этот раз я не ставил троекззз, – прожужжал Слепень. – Я поставил только пятёрки тем, кто понял вопросы, и двойки тем, кто не понял ничего. Средних баллов нет.

Тяжелее всех эту новость переживал Тони.

– Я не хочу пересаживаться, – пробурчал он.

Тони всегда занимал лучшее место в первый день курса. Это было место в последнем ряду у окна, чтобы смотреть в него, если станет скучно, и поблизости от батареи, чтобы не мёрзнуть зимой. Не знаю, говорил ли я уже, что Тони любит выделяться. Мы поэтому так его и зовём: Тони-выпендрёжник.

Мы все встали и пересели так, как сказал нам Слепень.

Мне выпало сидеть с Мэрилин, капитаном нашей футбольной команды, которая всегда получает хорошие отметки по математике, а ещё по языку и литературе.

Когда она села рядом со мной, Анита начала шептаться о чём-то с другой девочкой. Они обе смотрели на Мэрилин и что-то обсуждали. Заметив это, Мэрилин занервничала.

– У тебя всё нормально? – спросил я.

– Да, да, – поспешно ответила она, не глядя на меня. А потом совсем отвернулась. Камуньясу пришлось сесть с новичком.

– Этого ещё не хватало: сидеть с новеньким, – заныл Камуньяс.

– У меня имя есть, я Вао Дэн, – сказал Вао Дэн.

Тони рассмеялся. Камуньяс, явно не ожидавший такой прыти от китайца, удивлённо замолчал. Слепень показал всем экзамен Вао и сказал:

– Он вундеркиндззззззз. Вам нужно брать пример с вашего нового товарища: он только что приехал из Китая, ещё плохо знает наш язык, а по математике уже впереди остальных...

Тут Томео поднял руку.

– В чём дело? – спросил математик.

– Может быть, просто жители Тяньцзиня более продвинуты в математике.

Услышав Томео, все рассмеялись. Хотя, честно говоря, не знаю почему.

Дело в том, что Вао правильно ответил на все вопросы.

На втором месте оказалась Мэрилин, которая верно выполнила половину заданий. Мэрилин не только капитан нашей футбольной команды, но и хорошо работает головой и всегда знает правильный ответ. Слепень задавал вопросы по темам, которые мы ещё не проходили. Там были упражнения, которые мы должны были научиться выполнять во время этого курса.

– Как же мы тогда могли правильно на них ответить? – спросил Грустный.

Слепень посмотрел на него и сказал:

– В том-то и дело, zzzzzzzzzzzzzzzzzzz.

Затем он сказал, что продиктует нам несколько упражнений на дом.

– Заполните пропущенные числа в следующих примерах: пробел, 4, 8, 4, 6...

Вао сказал:

– Я знаю.

И тут же принялся что-то писать с дикой скоростью.

– Но я ещё не закончил давать зада... – начал Слепень. Но не договорил фразу и уставился на Вао. Тот строчил как сумасшедший.

Он не издавал ни звука, но писал так быстро и сосредоточенно, что в итоге мы все начали смотреть на него, задержав дыхание.

– У тебя всё нормально? – спросил Слепень.

Вао пробормотал что-то по-китайски и продолжил пи-

сать. Через несколько секунд он отдал свой листок Слепню. Математик посмотрел на бумагу, потом на Вао и сказал:

– Но как вы узнали? Если я не закончил давать упражнение, к тому же его нужно было решать дома...

Вао ничего не ответил. Я переглянулся с Камуньясом. Как новичку удалось сделать это?

Он был гением? Или фокусником? Или, может, он читал мысли Слепня?

Первая перемена нового учебного года – это время, когда нужно решить массу вопросов:

- У кого в классе самые стильные джинсы (в колледже мы не носим форму);
- Чей альбом с карточками футбольной Лиги заполнен

полностью (в этом году – ничей);

- Кто круче всех провёл летние каникулы (обычно это всегда был Тони. Но в этом году никакой супер-пупер-поездки у него не было, потому что фабрика по производству чипсов его отца накрывалась медным тазом);

- И, наконец, на первой перемене нужно выбрать красавчика года и красотку года.

Но в тот раз всё это не имело никакого значения. Мы говорили только об одном.

– Я думаю, что у него есть дар. У многих китайцев есть такое. Я читал в Интернете, – сказал Томео.

– То есть... вы, ребята, думаете, что он прочитал мысли Слепня? – спросила Алёна.

Алёна была единственной в команде, кто не ходил с нами в один и тот же класс, и мы частенько пересказывали ей наши новости.

Мы стояли во дворе и обсуждали чудеса, которые Вао Дэн проделал на уроке математики.

– Если он смог прочесть мысли Слепня, то он что же, и наши тогда прочесть сможет, что ли? – занервничал Грустный. – Я не хочу, чтобы мои мысли читали, я против!

– А я бы не отказалась, – задумчиво произнесла Анита.

– Если он умеет читать мысли, то может взорвать наши мозги, – сказала Мэрилин, очень серьёзно посмотрев на Грустного. – Я в кино видела: там одна китайская девочка взглядом взрывала людям головы.

Грустный побледнел.

– Мой отец говорит, что китайцы собираются завоевать весь мир, – сказал Камуньяс.

– Твой отец в тюрьме и сам не знает, что говорит, – парировал Тони.

– Что ты сказал? – начал кипятиться Камуньяс.

– Что слышал, – ответил Тони и с вызовом посмотрел на Камуньяса.

Кике, отец Камуньяса, сидел в тюрьме за попытку сфальсифицировать результаты матча во время нашего турнира в Бенидорме этим летом. Его приговорили к трём годам, но, по-видимому, тюрьма была открытого типа, потому что он мог выходить оттуда по выходным и в некоторые другие дни тоже. Так как тюрьма располагалась недалеко от нас, в городке Сото-дель-Реаль, Камуньяс видел отца каждые выходные. Кике – единственный человек из всех, кого я знаю, кто когда-либо сидел в тюрьме.

Тони и Камуньяс смотрели друг на друга с видом заклятых врагов.

– Народ, а может, он и будущее предсказывает? – предположил Восьмой.

– И перемещает предметы взглядом? – продолжила Ани-та.

– Что за ерунду вы болтаете, – прервала их Алёна. – Он же ничего особенного не сделал... Ну, решил несколько задачек по математике. Тоже мне сверхспособность.

– Тебя там не было, – серьёзно сказал Томео. – Это было действительно странно, поверь. Это надо было видеть.

– Я тоже не верю, что у китайца сверхспособности. Он знал ответы заранее. Наверное, подсмотрел их на столе Слепня или что-то в этом роде. Обманщик он, вот кто, – сказал Камуньяс.

– Ну, лжец вряд ли, он же не говорил, что у него сверхспособности, это мы так решили, – сказал я.

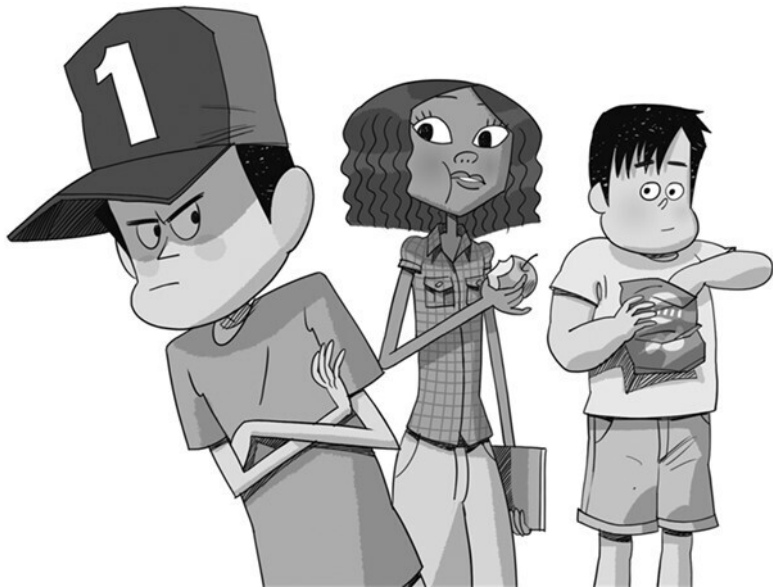
– А ты на чьей вообще стороне? – сердито спросил Камуньяс.

Остаток урока Камуньяс избегал разговоров с Вао и презрительно на него косился. Не было никаких сомнений в том, что новенький ему категорически не нравился.

– Тони, что у тебя с Вао? – спросила Мэрилин.

– Это моё дело, – ответил недовольно Камуньяс.

– Но он только что пришёл в класс... Что он тебе сделал? – настаивал я.

Камуньяс махнул рукой, чтобы его оставили в покое. Но Тони не собирался отставать.

– Родители Вао создали новое туристическое агентство, – сказал он.

Теперь всё сходилось. Когда отца Камуньяса посадили в тюрьму, ему пришлось продать своё туристическое бюро, единственное в городе.

Новыми владельцами, по всей видимости, стали родители Вао. Они приехали из Китая, чтобы начать свой бизнес. И вот он у них появился.

– Китайцы хотят завоевать весь мир, – кипятился Камуньяс.

Мы смотрели на него, пытаюсь понять, почему он так злится. Никто не собирался говорить Камуньясу, что, если бы его отец не валял дурака в Бенидорме, ничего бы этого не произошло. Хотя, думаю, все мы именно так и считали.

– Я не знал, что Дэны – владельцы агентства, – сказал я.
– Это здесь ни при чём, – немедленно возразил Камуньяс.
Но было очевидно, что очень даже при чём.

– Всё в порядке, Камуньяс. Твой отец скоро выйдет из тюрьмы и откроет другой бизнес... – сказала Алёна.

– Отстаньте от меня, – оборвал её Камуньяс. И ушёл, не сказав больше ни слова.

– По сути, он прав, – сказал Тони.

– Это чушь, – немедленно возразила Мэрилин. – Одно дело, когда Камуньяс говорит такое, потому что ужасно переживает из-за своего отца, но ты... Тебе должно быть стыдно за свои слова.

– Кроме того, причём тут вообще китайцы? Они что, заставляли отца Камуньяса жульничать? Из-за них разве его посадили в тюрьму и вынудили продать бизнес? – спросил Томео.

Я побежал за Камуньясом.

– Не будь таким, эй, Камуньяс, ну подожди, – позвал я.

Камуньяс на секунду остановился. Он повернулся, подошёл и прошептал мне на ухо:

– Лучше помолчи и сделай то, что должен сделать по условиям пари.

Он сказал это очень серьёзно.

– Ты проиграл, – добавил он. – Надо выполнять обещание. Пора.

– Да без проблем! – сказал я.

Я был сыт этим по горло. Зная, насколько упрям был Камуньяс, я понимал, что если я не сделаю это как можно скорее, он всю неделю будет капать мне на мозги. Весь месяц

будет капать. Весь курс. И всю жизнь, если потребуется. Я должен был сделать это. Сейчас или никогда. Я обернулся. Мы стояли посреди школьного двора.

Алёна была передо мной, в нескольких метрах. Я сделал пару шагов по направлению к ней. Посмотрел на неё, пытаюсь улыбнуться.

– Ты в порядке, Пакет? – спросила она. – Что тебе сказал Камуньяс?

– Ничего, – сказал я.

– Его можно понять: он злится на китайцев из-за того, что случилось с его отцом, – сказала Алёна, – ему нужно помочь, отвлечь, чтобы он не думал об этом...

Она говорила что-то ещё. Но я больше не слушал. Я был сосредоточен только на одном: мне нужно было поцеловать её. Немедленно покончить с этим. Я уже собирался подойти к ней. И поцеловать на глазах у всех... Но... Я не мог этого сделать!

Это же была Алёна!

Поэтому я резко повернул направо. И, не задумываясь, поцеловал первую девчонку, которую увидел. Ею оказалась Мэрилин.

Полное имя: Мэрилин Росалес Торрес. Возраст: 11 лет.
Рост: 1,45 м.
Место рождения: Медельин, Колумбия.

Капитан футбольной команды.

Играет под номером 3.

Левая защитница.

Волосы и глаза чёрные, даже очень.

Насколько помню, я никогда не думал о том, чтобы поцеловать её.

Не понимаю, зачем я это сделал.

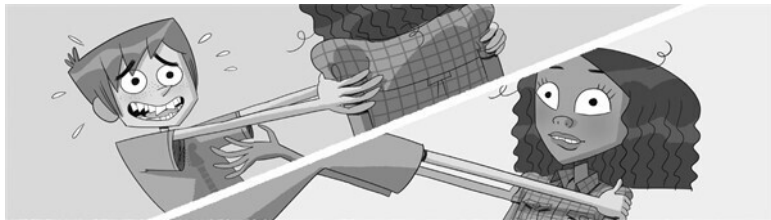
То есть отчасти понимаю, конечно. Чтобы не целовать Алёну и расквитаться с Камуньясом. Почему именно Мэрилин? Ну, наверное, потому что она стояла ближе всех. Если бы я мог предвидеть всё, что случится потом, я бы этого ни за что не сделал.

Но, как я уже сказал, в тот момент я не думал. Я просто подошёл к ней, закрыл глаза и чмокнул её. Когда я открыл глаза, Мэрилин пристально на меня смотрела.

Все, кто находился во дворе во время этой сцены, резко замолчали. Секунду-две, а может, даже три никто не шевелился, все будто застыли. Я пожал плечами и улыбнулся.

– Ну, вот и всё, – сказал я.

Мэрилин по-прежнему стояла, не шевелясь, словно находилась в шоке. Тони заржал. Камуньяс, который находился довольно далеко от меня, тоже рассмеялся. Кажется, он даже забыл про Вао, так ему было смешно. Алёна смотрела на меня, но ей, кажется, было не до смеха. Анита спросила:

– Почему ты поцеловал Мэрилин?

– Я... ну... – попытался объяснить я. – Я не знаю, зачем я это сделал.

Это была правда. Не вся правда, но очень важная её часть. Я, конечно, ничего не сказал о пари. Мэрилин продолжала смотреть на меня, не шевелясь. Я ждал, что она меня ударит. Или начнёт кричать на меня. Но вместо этого она сделала последнее, чего я ожидал.

Она подошла ко мне... и поцеловала меня сама.

Это был долгий поцелуй. Я бы сказал, бесконечный. Потом прозвенел звонок, и нам пришлось вернуться в класс.

Алёна подошла к Мэрилин и увела её. Анита сказала:

– Надеюсь, ты будешь доволен.

И направилась ко входу в класс. Я не понял, что она имела в виду. Я не был как-то особенно доволен, или счастлив, или, наоборот, расстроен. Я просто выполнил условие пари, после чего Мэрилин целую вечность меня целовала. Камуньяс, не переставая смеяться, тоже пошёл в класс. Грустный тяжело вздохнул.

– Это плохо кончится, – сказал он.

Томео пробурчал:

– Все здесь целуются, кроме меня.

Я пошёл за ними, ничего не понимая.

– Что, Пакет, флиртуешь? – сказал Тони, поравнявшись со мной.

– Нет, нет, я не...

– Раз вы с Мэрилин теперь пара, полагаю, ты не будешь возражать, если я снова буду встречаться с Алёной? – сказал он и засмеялся.

Пара? О чём он говорил? Это был поцелуй на спор. Ничего более. Нет, тот первый день в школе был определённо самым странным в моей жизни.

В тот день, когда мы прибыли на площадку для тренировок, наши тренеры Фелипе и Алисия приготовили для нас сюрприз.

– Обожаю сюрпризы! – сказала Анита.

– А я нет, – сказал Грустный. – Сюрпризы всегда приводят к проблемам.

– Грустный, не начинай, пожалуйста, – попросила Алёна. Фелипе и Алисия встретили нас в центре футбольного по-

глянулись. На лицах у всех были гримасы отвращения. Что они делали? Они сошли с ума? Фелипе и Алисия поженились прошлым летом (мы все ходили на их свадьбу на острове Табарка), но это их совершенно не оправдывало. Футбольные тренеры не могут обниматься и целоваться перед командой.

Это несерьёзно. Тренер сборной Испании или тренеры Реал Мадрида, Барсы или Атлетико никогда не стали бы делать такое. Можете вы себе представить Висенте дель Боске, целующегося с женой и флиртующего на поле для тренировок? Фелипе и Алисия выглядели после лета слишком любовь-морковно.

– Эй, медовый месяц закончился! – сказал Тони.

Мы все засмеялись. В кои-то веки выпендрёжник смешно пошутил. Даже Алисия и Фелипе засмеялись. Они выглядели такими счастливыми, что их, кажется, ничего не трогало. Их слащавость просто невозможно было переносить!

– В общем, – сказала Алисия, – вам нужно постараться, потому что скоро в команду придут новенькие, и всем не хватит места.

– А я предупреждал, – сказал Грустный.

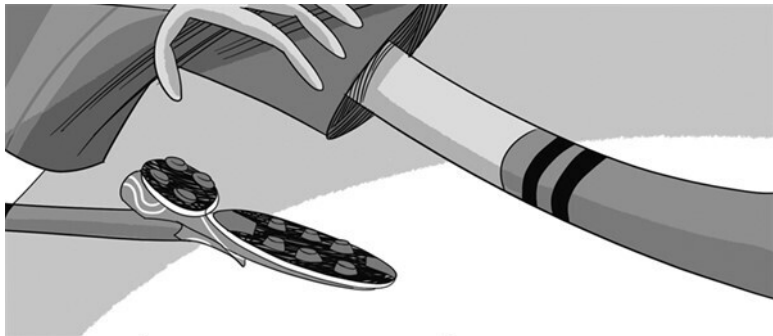
Закончив говорить, Алисия взяла Фелипе за руку.

– А теперь пробежим несколько кругов по полю для разминки, – сказал Фелипе.

И тренеры побежали первыми... взявшись за руки!

– Интересно, они так весь год собираются ходить? – спросил Камуньяс. – Потому что если так, я выйду из команды.

– Не спеши, – сказал Тони. – Может, тебя ещё выгонят.

– Не ссорьтесь, – сказала Анита. – Нам нужно быть очень сплочёнными, чтобы никого из нас не вышвырнули.

– Точно, – отозвалась Алёна.

– Ну что, побежим, или как?

И мы вдевятиером принялись бегать вокруг поля. Что ещё нам оставалось? Нам только что сообщили, что нам придётся бороться за место в команде с другими девочками и мальчиками. И наши тренеры, похоже, не очень беспокоились по этому поводу. Но мы же были Футбольнейшими. Мы договорились всегда играть вместе.

После пробежки Фелипе и Алисия заставили нас сыграть матч в одни ворота... Они стояли на боковой линии и наблюдали за нами. Ещё они что-то шептали и смеялись.

С игрой у нас не ладилось. Каждый раз, когда наши тренеры целовались, Грустный вздыхал. Восьмой споткнулся че-

тыре раза. Мы с Алёной не смогли забить ни одного гола. Даже Мэрилин, казалось, бегала медленнее, чем обычно.

Капитан нашей команды вообще вела себя как-то странно. Она у нас левый защитник, и обычно я держусь левого фланга, чтобы сделать диагональный пас к центру и ударить по воротам правой ногой. Так что в играх мы обычно хорошо дополняем друг друга, и она всегда передаёт мне мяч.

Но в этом маленьком матче Мэрилин не сделала мне ни одной передачи.

– Почему ты мне не пасуешь? – спросил я.

Но она не только не ответила мне, она даже не посмотрела в мою сторону. Единственным, кто казался спокойным, как всегда, был Тони. Он был в своём репертуаре: вёл мяч, забивал голы, в общем, вёл себя как выпендрёжник.

Отправив мяч как можно дальше от ворот, я взглянул туда, где находились Фелипе с Алисией. Они продолжали шептаться что-то на ухо друг другу.

– Если это называется брак, я точно не хочу жениться, – сказал я, пытаюсь отдышаться.

Я тут же пожалел о том, что произнёс, потому что Мэрилин, которая находилась в этот момент рядом со мной, покраснела как помидор. А остальные засмеялись.

В конце тренировки я подошёл поговорить с Камуньясом.

– Мне надоела вся эта история с Мэрилин. Я расскажу правду, и пусть все знают, – сказал я ему.

– Нет, ты не можешь этого сделать. Если ты расскажешь,

пари потеряет свою силу, и придётся повторять всё сначала, – ответил он.

– Мы о таком не договаривались, – возразил я.

– Есть вещи, о которых не договариваются, потому что они и так всем известны. Если ты не знал об этом, нечего раздражаться: это твоя проблема.

В конце концов, никто не заставлял тебя заключать пари, – сказал Камуньяс.

– Значит, я не могу сказать, что поцелуй был на спор?

– Нет.

Мне захотелось сказать ему, чтобы он завязывал со ставками и пари. Что это именно из-за них его отец сидел сейчас в тюрьме. Но я не сделал этого, потому что это был бы удар ниже пояса, а Камуньяс – мой лучший друг, к тому же у него тоже был плохой день.

Так что больше я ему ничего не сказал.

Мы подошли к дверям раздевалки, где были все остальные.

– Я не понимаю. Почему они решили ввести отборочный

тест именно в этом году? Как думаете, они нами недовольны? – спросил я у Мэрилин.

– Конечно, довольны. Если бы не были, они бы сказали нам об этом.

– Как они могут быть довольны, если в прошлом году мы чуть не перешли во второй дивизион? – сказал Камуньяс.

– Чуть. А чуть не считается. Мы же в итоге не перешли. И кроме того, в Бенидорме мы вообще вышли в финал, – сказал я.

– Меня точно вышвырнут из команды, – вздохнул Грустный.

– И меня, – сказал Томео.

– И меня, – поддакнул Восьмой.

И меня.

И меня тоже. Мы все говорили одно и то же. Все, кроме одного.

– А меня нет. Мне обидно за вас, конечно. Но меня точно не выгонят, – сказал Тони.

– То есть ты не против того, что придут новые люди, и из-за них нас вышвырнут? – спросила Алёна.

– Я этого не говорил, – ответил Тони. – Я просто считаю, что это справедливо, если у других мальчиков и девочек появится возможность попробовать себя. А вам кажется, что лучше оставить всё как есть, даже зная, что есть ребята сильнее?

Никто не ответил. На самом деле, всё было не так просто.

– Не знала, что тебя так волнуют вопросы справедливости, – сказала Мэрилин.

– Ну да, а что такое? – ответил Тони.

– Ладно, не будем спорить. Мы ещё даже не знаем, сколько их и на каких позициях они играют, – сказала Анита.

– К тому же, кто может захотеть присоединиться к такой команде, как наша? – пробурчал Грустный.

– Грустный прав, кстати, – отозвался Томео.

– Мы не так уж и плохи. Мы обыграли Интер, – не согласилась Алёна.

– Мы противостояли Кроносу, лучшей команде в мире! – добавила Мэрилин.

Правда в том, что в последние месяцы мы сыграли несколько очень неплохих матчей. Хотя мы всё ещё оставались Сото Альто, одной из худших команд Лиги.

– Ну что, мы идём или как? Я есть хочу, – сказал Томео.

– В итоге мы останемся в том же составе, вот увидите, – сказала Алёна.

– И если повезёт, к нам вообще никто не запишется, – добавил Камуньяс.

На следующее утро на доске объявлений в холле, где вешают новости, объявления по частным урокам, детские рисунки и всё такое, появился огромный лист.

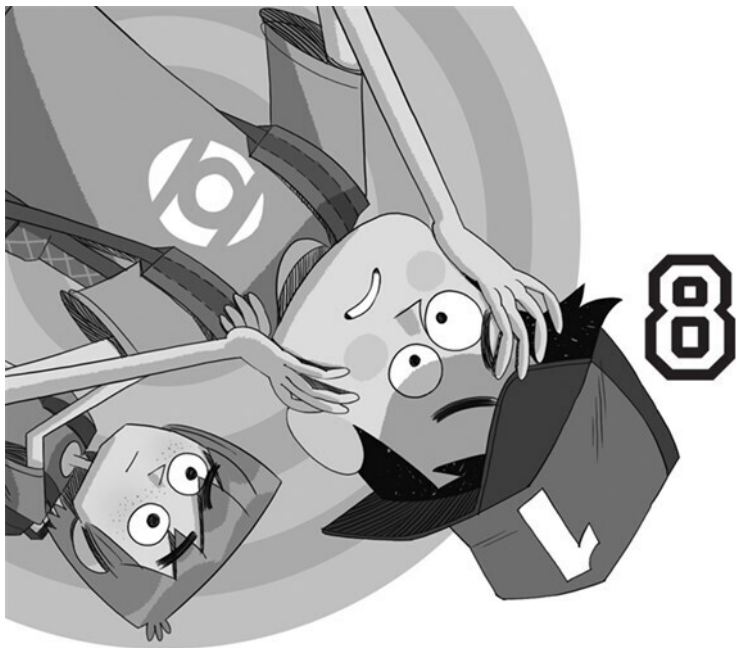
На листе было написано:

РЕГИСТРАЦИЯ НА ПРОСМОТР В
ФУТБОЛЬНУЮ КОМАНДУ.

ЗАПИСЫВАТЬСЯ ЗДЕСЬ.

На данный момент там стояло только одно имя. И это имя было – Вао Дэн.

Бао Дэн, вратарь. На листе рядом с именем Бао было написано «вратарь».

Камуньяс начал заикаться, когда увидел это.

– Китаец хочет стать голкипером нашей команды, этого ещё не хватало, – возмутился он. Я похлопал товарища по плечу.

– Не волнуйся, может ещё оказаться, что он ужасно играет, – сказал я.

Хотя, не знаю почему, интуиция мне подсказывала, что, скорее всего, Вао не так уж и плох.

– Это, должно быть, шутка, – продолжал Камуньяс. – Потому что если нет, это просто конец света. Я в одном классе не могу сидеть с этим новичком. Я не могу...

– Спокойно, – сказал я.

– Сначала его родители отбирают агентство у моего отца...

– Ну, слушай. Они его купили... Не отобрали.

– Это то же самое. Они воспользовались готовеньким, – заорал Камуньяс. – Знаешь, сколько они заплатили за агентство? Ты знаешь, сколько?

Я покачал головой.

– Я тоже не знаю. Но уверен, что гроши, потому что отцу пришлось продавать его любой ценой.

– Да, – сказал я просто, чтобы что-то сказать.

– Потом его посадили в классе вместе со мной...

– Это просто совпадение, – напомнил я.

– А теперь, значит, он хочет занять мою позицию в команде, – говорил Камуньяс, всё больше распаляясь. – Нет, я этого не вынесу. Поверь, Пакет, этот просто катастрофа.

В этот момент Вао появился в дверях.

– Привет, – сказал он, улыбаясь.

– Пфффффф, – выдохнул Камуньяс и, не сказав больше ни слова, двинулся по коридору.

– Смотрю, ты решил присоединиться к команде, – сказал я.

– Нравится очень футбол, – ответил он, снова улыбаясь.

– Ну что ж, очень хорошо, дружище, – сказал я.

По правде говоря, мне самому Вао не казался неприятным. Но так как Камуньяс страшно нервничал, мне сложно было с ним разговаривать.

– Ты играл в какой-то команде на позиции вратаря? – спросил я.

– Да, в Тяньцзиньском колледже, – сказал он.

– Ну и как? – спросил я.

Вао почесал нос и ответил:

– Не могу сказать. Ты сам всё увидишь.

И пошёл в класс.

Мы весь день бегали смотреть, кто ещё записывался на листе. Между уроками мы выбегали в холл, проверяли список и в спешке возвращались.

– Уже двое.

– Трое.

– Четверо...

К концу дня в нашу команду записались семь новых игроков.

– Семь, это целая команда! – воскликнул Томео.

– Много... – вздохнул Грустный. – Теперь я точно ни в чём не уверен.

Алёна зачитала список вслух.

Луис Пачеко, защитник; Антонио Пачеко, защитник; Андреа Короминас, полузащитница; Пабло Легизамон, полузащитник; Габриэль Ортис, полузащитник; Пилар Грасиано, форвард, и Вао Дэн, вратарь.

Пять мальчиков и две девочки. Мы молча стояли перед списком.

– Сколько людей, милый!

Мою маму зовут Хуана, и у неё есть дар появляться, когда вы меньше всего этого ожидаете.

Мы стояли посреди футбольного поля, готовые к тренировке вместе с новичками. Моя мать повернулась ко мне и сказала:

– Мы пришли поддержать тебя, милый!

На глазах у всех она назвала меня «милый». Дважды. Меня зовут Франциско, или Пако, в крайнем случае, Пакет. Но никак не «милый». Рядом с ней стоял мой отец.

Вторая тренировка команды вызвала явно больше воз-

буждения, чем первая. Помимо директора школы, Эстебана, пришла новая глава родительского комитета, Мария Долорес (мать Мэрилин), а также другие родители, а ещё некоторые ученики.

– Зачем они все заявили? – спросил Камуньяс.

– В прошлом году к нам ни разу никто не приходил на тренировку, – сказал Томео.

– Они, видимо, хотят посмотреть, кого выгонят из команды, – решил Тони.

– С другой стороны, может, так мы заставим их обратить больше внимания на команду, – заметила Алёна.

В одной части поля стояли новенькие.

А в другой – старые. Иными словами, мы: Камуньяс, Томео, Грустный, Мэрилин, Тони, Алёна, Восьмой, Анита и Пакет.

Фелипе и Алисия вышли из раздевалки, и было похоже, что они рады были видеть здесь всех этих людей. В руках у Алисии был мегафон. Она поднесла его ко рту и сказала:

– Приветствуем всех!

А потом добавила:

– Мы очень рады, что в этом году у нас столько публики.

И засмеялась, как будто сказала что-то очень смешное. Фелипе, который стоял рядом с ней, тоже засмеялся. Он взял мегафон и сказал:

– Сейчас мы представим вам шестнадцать кандидатов в футбольную команду Сото Альто.

Что? Мы все были кандидатами?

– Я думал, только новенькие – кандидаты, – удивился Восьмой.

– Ну, как видишь, нет, – ответила Анита.

Мы выстроились в линейку в центре поля, и каждый раз, когда называлось очередное имя, Алисия бросала мяч, и футболист выбегал вперёд.

Начать решили со старой гвардии, с нашей девятки.

Поскольку нас тут все уже знали, похоже, зрителям было не очень интересно. Всем хотелось узнать, кто же новенькие. Наконец, наши имена назвали, мы сделали по нескольку ударов по мячу, и тренеры перешли к части, которую ждали все.

– А теперь о пополнении в Сото Альто. Здесь у нас грозные братья Пачеко, Луис и Антонио, два непробиваемых защитника, – сказал Фелипе в мегафон.

Когда мяч полетел в их сторону, братья одновременно рванулись к нему, толкаясь и борясь, как два добермана. Им не хватало только залаять. Они были такими высокими, выше нас всех на голову, волосы сзади и по бокам у них были побриты, а сверху торчали щёткой. Ещё у них обоих были волосатые брови, сросшиеся на переносице.

– Откуда эти двое? – спросил Камуньяс.

– Вы уверены, что им по одиннадцать лет? – спросила Мэрилин.

Фелипе продолжал представлять новичков.

– Идём дальше: тот случай, когда мозг и ноги работают как единое целое. Дамы и господа, маленькая Андреа!

Андреа, которую я не видел до этого момента, оказалась очень умелой девчонкой. Как только мяч оказался перед ней, она подняла его и начала играть, попеременно отбивая то головой, то плечами, то ступнями, постепенно двигаясь к бровке. Добравшись до бокового края, но не выходя за него, Ан-

дреа изо всех сил пнула по мячу ногой. Он летел и летел... Пока не оказался в руках Алисии.

– Я так понял, что мы сдаёмся, да? – спросил Грустный.

Родители и все присутствующие на трибунах энергично зааплодировали. Было похоже, что они прекрасно проводят время. Больше всех аплодировал Эстебан, директор колледжа.

– Какая замечательная команда будет у нас в этом году, – улыбнулся он.

– Но нельзя забывать и о тех, кто больше времени посвя-

тил команде, – попытался вставить мой отец.

– Да, да, конечно...

Новичкам определённо досталась вся слава. Фелипе и Алисия обнялись и продолжили.

– Футболисты из Оренсе, Галисия. Прошу любить и жаловать: Ортис и Легизамон!

У Ортиса были огромные уши. Легизамон был брюнетом, прилизанным донельзя. Эти двое приехали из Галисии, потому что, видимо, там закрыли автомобильный завод, и их родителей перевели в центральный филиал, который находится на окраине нашего города.

Фишка в том, что они дружили и вместе играли в футбол. Ортис и Легизамон сделали несколько «стенок»: пасы у них были чёткие и идеально синхронизированные. После этого Ортис осуществил свободный удар из-за пределов штрафной, и мяч вошёл в один из углов ворот. В этом не было ничего сверхъестественного, но публика востороженно зааплодировала.

– Ещё одна новая участница: быстрая как ветер, смелая Пилар, – объявил Фелипе.

– Можете называть меня Пили, – сказала она.

Девочка была высокой, красивой и бегала быстрее всех в колледже. По крайней мере я никого быстрее её не видел.

Когда она побежала по боковой линии, с мячом, буквально приклеенным к ногам, пыль стояла столбом. Думаю, если бы они засекли время, это оказался бы рекорд.

Закончив бежать, она ударила по мячу, который проделал идеальную параболу и пересёк штрафную область. На самом деле это был отличный центровой.

Затем она поприветствовала всех поклоном и широко улыбнулась.

– А эта Пили ничего, – хмыкнул Тони.

– Ну, я не думаю, что в ней есть что-то особенное, – возразила Алёна.

Фелипе снова поднёс мегафон ко рту.

– И вот, наконец, гость с далёкого Востока, мандарин гола, маленький будда Сото Альто: Вао Дэн.

Камуньяс хмыкнул. Остальные молчали.

Вао Дэн встал в ворота. Там он казался ещё ниже ростом. Вратари обычно высокие. Но Вао во всех смыслах был не такой, как все. Фелипе ударил по мячу. Не двигаясь, Вао поднял руку, мяч налетел на неё и отскочил. Это была хорошая остановка.

– Ещё, – сказал Вао.

– Что ещё? – не понял Фелипе.

– Ещё удары, – настаивал Вао.

Фелипе и Алисия переглянулись. Эстебан крикнул:

– Сделайте несколько ударов и посмотрите, как оно пойдёт!

Сказано – сделано.

Фелипе распределил несколько мячей по краю площадки. И, не дожидаясь, мы все начали ударять по воротам. Первым бил Камуньяс. Он ударил со всей душой. Но Вао, почти не двинувшись с места, поднял обе руки и поймал мяч. Удары посыпались на него один за другим. Он останавливал все без видимых усилий. Мячи буквально летели к нему в руки.

Все яростно хлопали в ладоши. Даже моя мама встала и закричала:

– Оле, оле!

Директор был так горд, что, казалось, его ладони задымятся от такого количества аплодисментов.

Мы с Камуньясом посмотрели друг на друга. Дело было намного хуже, чем мы ожидали. Новенькие были великолепны. Поэтому мы решили сделать единственное, что можно было в такой ситуации: созвали встречу Футбольнейших.

Встреча была назначена на полночь, но перед этим мне ещё предстояло поужинать с родителями.

Это был один из трёх дней недели, когда в моём доме ужинали с выключенным телевизором, только под музыку.

– Так мы сможем разговаривать, видеть друг друга, делиться своими историями, – сказал мой отец.

Не знаю, как насчёт моего лица, но я сам физиономию своего брата точно не хочу видеть и не уверен, что ему до-

ставляет особое удовольствие смотреть на меня. Мой брат Виктор – подросток, и я считаю, это одна из худших вещей, которые вообще могут произойти с человеком. Его беспокоят только три вещи: прыщи, девушки и одежда.

И ещё он любит называть меня «гномиком» и давать мне пинка.

– Гномик, передай хлеб, – сказал он.

В тот вечер мне не хотелось спорить, поэтому я ничего не ответил и протянул ему хлеб.

Я посмотрел на своих родителей.

– Всем вроде понравились новенькие, – начал я. – Вам тоже?

– Согласись, они сильные ребята, Франциско, – сказал папа.

– Это потому что вы все неповоротливые, как мешки с тряпьем. Стоит прийти кому-то, кто играет хоть чуточку лучше вас, – всё! Команда уничтожена, – сказал Виктор.

– Они очень способные... А этот китаец... Во всяком случае, я так думаю, в этом году у нас наконец-то будет полноценная команда, – сказала мама.

– Как ты можешь так защищать новеньких? – возмутился я. – А мы?

– Вы... вы тоже здесь, – сказала она неуверенно.

Хотя она этого и не говорила, по её глазам было видно, что новенькие нравятся ей в миллион раз больше, чем мы.

– Хуана, что ты говоришь, – вмешался отец. – Чего в конце концов мы все хотим? Чтобы Франциско играл со своими друзьями, или чтобы Сото Альто победил?

Моя мама улыбнулась и сказала:

– Чтобы Сото Альто победил?

Мой брат Виктор взорвался от смеха.

– В жизни невозможно получить всё, сынок. Смотри, Франциско, конечно, я хотела бы, чтобы ты играл со своими старыми друзьями и забил много голов, но если не получается... что ж...

По крайней мере, пусть тогда Сото Альто победят, разве не так? – повторила мама.

В жизни невозможно получить всё.

– Давайте сменим тему. Мы выключаем телевизор, пото-

му что там всегда играют в футбол, но закачиваем тем, что сами всё равно спорим о футболе, – сказал отец, закончив ужин.

– Давайте обсудим другие новости. Я очень рада насчёт Мэрилин, Франциско, – сказала мама.

Я застыл. Что?

– Я уже разговаривала с её мамой, и мы обе думаем, что это здорово, – добавила моя мать.

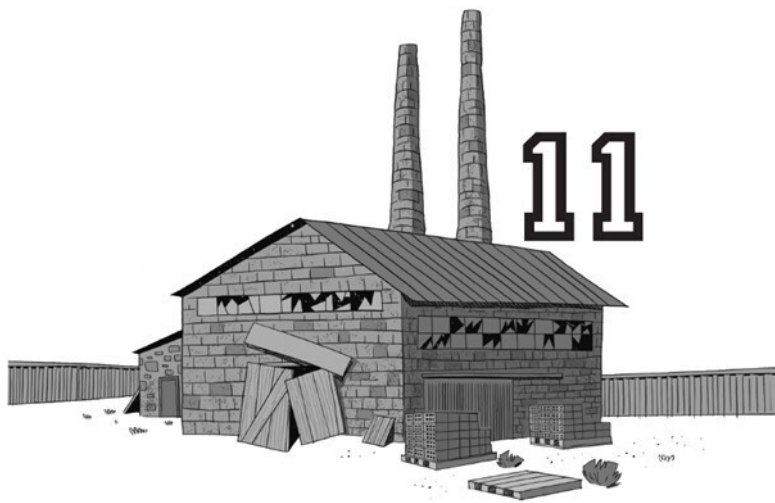
– Что здорово? О чём вы с ней говорили? – спросил я.

Наши мамы что, уже знали о поцелуе? Кто им рассказал? Зачем? Что они обсуждали?

– Ну, то, что вы вместе теперь сидите на математике, о чём ещё, – объяснила моя мать.

– Ах, ты об этом, – выдохнул я.

– Да, – кивнула она. – Я попросила Мэрилин помочь тебе в этом году, она очень хорошо разбирается в математике, и с её помощью ты обязательно сдашь. Завтра же и начнёте. Первый урок у нас дома, идёт?

В ту ночь Футбольнейшие встретились на старой кирпичной фабрике Севильи ла Чики. Фабрика закрылась четыре года назад и стояла заброшенная. Родители не разрешают нам сюда ходить, говорят, здесь могут быть бомжи и наркоманы. Хотя я здесь никогда никого не видел. В ту ночь на фабрике не было ничего, кроме разбитого стекла, старых кирпичных стен и бьющего в нос запаха.

– А воняет-то как, – с отвращением сказал Тони. – Кто выбрал этот гадюшник?

Мы все посмотрели на Камуньяса.

– Мой брат сказал, что это самое секретное место в городе, – сказал он извиняющимся тоном.

– Если твой брат знает о нём, оно уже не секретное, – сказал Восьмой.

– Ты рассказал брату о Футбольнейших? Это же секретный пакт! – возмутилась Мэрилин.

– Нет, я ему ничего не рассказывал. Я только объяснил, что нам с друзьями нужно обсудить кое-что важное, – ответил Камуньяс. – Давайте лучше сконцентрируемся на проблеме. Нам правда есть, что обсудить.

– Надо что-то придумать. Новенькие слишком хороши, нас выгонят из команды, – сказал Томео.

– Футбольнейшие находятся под угрозой исчезновения, – добавил Камуньяс.

– У меня нет шансов, я сам выйду из команды, – сказал Грустный, глядя на Камуньяса. – И вам стоит поступить так же.

– Почему они должны занимать наши места? – запротестовал Восьмой.

– Каждый имеет право попробовать. Ничего страшного не происходит, надо быть великодушными, – сказала Алёна.

– Они что-то особым великодушием не отличаются, – протянул Грустный. – Я уверен, что они займут наши места.

– Сначала им придётся приложить усилия и познакомиться с нами, – сказала Алёна.

– Мне они не показались такими уж ужасными.

Мы до сих пор не знаем их, например, тех братьев, которые похожи на роботов, – сказал я.

Камуньяс бросил на меня убийственный взгляд.

– Мы обещали друг другу: что бы ни случилось, всегда будем играть вместе, – напомнил Грустный. – Если кому-то нужно уйти... Например, мне...

– В этом как раз всё и дело. Никто не будет уходить, потому что нам надо помогать друг другу... Надо сделать жизнь новичков невыносимой, – предложил Камуньяс.

– Не знаю, не знаю, – сказала Алёна. – Одно дело – помочь себе стать лучшими футболистами, и совсем другое – бойкотировать новичков.

– То, что ты говоришь, мне тоже не кажется правильным, Камуньяс, – сказала Мэрилин.

– А ты что скажешь, Пакет? – Камуньяс посмотрел на меня в упор.

– Я... я хочу, чтобы мы остались вместе. Но... если кто-то выйдет из команды, будет ли дальше действовать договор Футбольнейших?

– Это вопрос, – согласился Томео. – Если кого-то выгнали из футбольной команды, значит ли это, что он должен уйти из Футбольнейших тоже?

Наступила тишина, после чего я услышал какой-то шорох и обернулся.

– Думаю, там кто-то есть, – сказал я, подходя к окну.

– Ой, ой, ой! – закричал Грустный. – Наверное, мама была права, и в этом доме правда водятся призраки и бродяги!

Мы одновременно сделали ему «шшшш», и я выглянул в одно из разбитых окон в сторону того места, откуда доносился шум.

Там никого не было.

– Я думаю, это у тебя в голове шумит, Пакет, – сказал Тони, смеясь. – Никого тут нет.

– Ну что, продолжим собрание? Уже поздно, – предложила Мэрилин.

Снова наступило молчание, а затем Камуньяс сказал то, что изменило всё.

– Мы должны преподать им урок, – сказал он.

– Кому? – испуганно спросила Анита.

– Новичкам? – спросил Восьмой.

Камуньяс смотрел на нас, ничего не говоря. Вид у него был хитрый.

– Китайцам, – сказал он, наконец.

– Почему именно им? – спросил Томео.

– Ну, потому что они крадут у нас работу, – сказал Камуньяс, – и пока мы будем продолжать в том же духе, они присвоят себе всё... А теперь ещё они для полного счастья хотят выгнать нас из команды.

– Вао – хороший игрок, – сказала Анита.

– Невероятно, что ты это говоришь, – возмутился Камуньяс.

– Почему?

– Ну, потому что ты запасной вратарь, и если Вао останется в команде, первой, кого вышвырнут, станешь ты, – сказал Камуньяс.

Это была правда.

Камуньяса могли сделать запасным голкипером. А Аниту исключить. Никто не хотел, чтобы нас выгоняли из команды.

– Ну и что вы предлагаете? – спросил Томео.

– Всё очень просто, – серьёзно сказал Камуньяс. – Предлагаю забросать камнями витрину туристического агентства сегодня ночью.

– Круто, – кивнул Тони.

– Вы оба совсем что ли с катушек съехали? – возмутилась Алёна.

– Мне это тоже кажется неплохой идеей, – заметил Грустный. – По крайней мере, если рассуждать теоретически.

– Если нас поймают, мы отправимся в тюрьму, – сказала Мэрилин.

– Может быть, тогда лучше не надо, – быстро поправился Грустный.

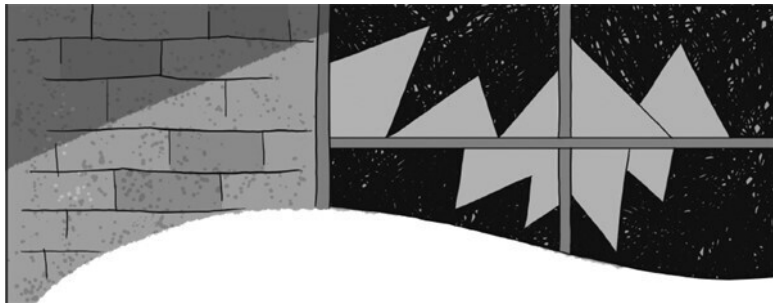
– Не знаю, как вообще можно рассуждать о таких вещах, – вставил Томео.

– Очень даже можно. Согласись, мы все хотим, чтобы они убрались из города и из нашей команды. Но только я осмеливаюсь говорить об этом вслух.

Камуньяс казался очень уверенным в том, что говорил.

– Ты что, всерьёз думаешь, что мы сможем напугать их настолько, что они уберутся из дома? – спросила Анита.

– Э... Может быть, да. Может, нет. В любом случае надо попробовать!

– Я лично не хочу, чтобы они уезжали из города! – сказал я.

– А, нет? – сказал Камуньяс с таким лицом, как будто я только что его предал.

– Нет, – повторил я, – мне вообще кажется, что мы говорим о гадких вещах.

– Конечно, ты, значит, всегда прекрасные вещи предлагаешь. Когда втягиваешь нас в опасные дела, заставляешь шпионить за старшими и красть вещи, – начал горячиться Камуньяс, с каждой минутой распаляясь всё больше. – Тебе, значит, можно. А стоит предложить мне, так сразу «гадкие вещи».

– Думаю, надо объявить голосование, – предложил Тони.

– Вы сошли с ума. Совершенно сбрендили, – вмешалась Мэрилин.

– Я тоже думаю, что мы должны проголосовать, – вставил Восьмой.

– Простите, а за что именно мы будем голосовать? – осторожно спросил Грустный.

– Как за что? – удивился Камуньяс. – Атаковать туристическое агентство или нет. За это, конечно.

Все замолчали. Камуньяс добавил:

– Чтоб китайцы испугались и перестали лезть, куда их не просят.

– Мы поняли, – сказала Алёна.

– Ну, хорошо.

– Ладно.

Итак, мы начали голосовать:

– Да, – сказал Камуньяс.

– Да, – поднял руку Тони.

– Нет, – проголосовал Томео.

– Да, – сказала Анита.

– Нет, – сказала Мэрилин.

– Конечно, нет, – закачала головой Алёна.

– Да, – сказал Восьмой.

И, наконец, Грустный с перепуганным лицом, словно спрашивая нас, тихонько выдал:

– ...Нет?

– Пакет? – позвал Тони, глядя на меня.

Оставался только я.

Голоса разделились: четыре «за» и четыре «против». Мой

голос должен был решить всё. Все смотрели на меня. Глаза Алёны казались ещё больше, чем обычно. Тони, скрестив руки на груди, принял своё коронное выпендрёжное выражение лица. Мэрилин смотрела странно. Я никогда её такой не видел. И, конечно же, Камуньяс, мой лучший друг, тоже глядел на меня.

Все ждали. Наконец я ответил. Я попытался сделать голос ровным, но, кажется, он всё равно немного дрожал.

– Нет, – сказал я.

Алёна улыбнулась.

– Молодец, Пакет, – сказала Мэрилин.

Я посмотрел на Камуньяса. Его глаза были широко раскрыты, и он смотрел на меня так, как будто мы с ним вообще не были знакомы.

– Футбольнейшие должны помогать друг другу и играть вместе в футбол. Нападать на окружающих мы не договаривались! – попытался я объяснить свою позицию.

– Может, пора уже положить конец этой чепухе с Футбольнейшими, – сказал Камуньяс.

С этими словами он сел на велосипед и уехал прочь.

Когда утром я сел завтракать, то всё ещё думал о Камуньясе. Но было ещё кое-что, что никак не выходило у меня из головы.

Первым уроком у нас была математика. И это был первый раз, когда я должен был всё занятие просидеть за одной партой с Мэрилин. Благодаря Слепню нам теперь год придётся делить с ней парту. И вот я сидел и думал. А почему всё-таки я поцеловал её? Из-за спора, это понятно... Но почему именно Мэрилин?

Я мог бы поцеловать Алёну, которая... ну... не то что мне

нравится, но если бы мне когда-нибудь кто-нибудь понравился... Если бы мне пришлось выбирать одну девочку из всех девочек мире... это была бы Алёна-не-путать-с-Еленой и никто другой.

К тому же мы уже целовались. И все об этом знали. Так почему тогда я поцеловал Мэрилин? Думаю, я сделал это, потому что мне нечего было терять. Не знаю, понятно ли я объясняю. Дело в том, что мне никогда не нравилась Мэрилин. Так что один поцелуй не испортил бы картины. Ничего бы не изменил. По крайней мере, я так думал.

Но теперь я уже не был так уверен. Всё так запуталось. Мне нужно было посоветоваться с опытным человеком. Со знатоком девушек. В общем, за завтраком я решил рассказать обо всём своему брату Виктору, который учится в старшей школе и всегда хвастается, что у него куча девчонок.

Взяв в руки бутерброд, я сказал, стараясь казаться непри-

нуждѣнным:

– Тут с одним моим другом история случилась. Он узнал, что нравится одной девочке. Но сама она ему не нравится. И вот ему приходится теперь много времени с ней проводить, и он не знает, что ему делать. Что бы ты мне... то есть, ему посоветовал?

– А девочка красивая?

Я на мгновенье задумался. Мэрилин не была красивой, но и страшненькой её тоже трудно было бы назвать. Я её вообще раньше особо не замечал. Она смуглая, у неё большие чёрные глаза. Не такие огромные, как у Алёны, но тоже ничего.

– Не знаю... Ну, то есть мой друг не знает.

Я собрался намазать масло на тост, но брат выхватил у меня маслѣнку.

– Тебе нравится эта девочка? – прямо спросил он.

– В том-то и дело, что мой друг не знает, поэтому я и спрашиваю тебя.

– Твой друг вообще ничего не знает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.